

УДК 821.1 61.1+087.5

ББК 83.3(2)+83.8

Л.Н. Савина**О.С. Батова****МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ
ТРАДИЦИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
Л. ПАНТЕЛЕЕВА О СИРОТЕ**

Рассматривается реализация традиций волшебной сказки в повести и рассказах Л. Пантелеева о детях-сиротах (повесть «Часы», рассказы «Ночка», «На ялике»). Особое внимание уделяется воплощению в произведениях писателя сказочных композиционных элементов, мотивов и образов (отлучка, отправление героя в путь, разделение пространства на «свое» и «чужое», наличие испытаний, присутствие категории чудесного, противопоставление добра и зла, счастливый финал и т.д.).

В работе анализируются также случаи нарушения архетипической схемы фольклорной сказки, обусловленные тяготением автора, пишущего о детях и для детей, к развёрнутой описательности и психологизму.

Ключевые слова: *детская литература, мифопоэтическая традиция, волшебная сказка, архетипическая схема.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2015-4-45-50

Савина Лариса Николаевна – докт. филол. наук, профессор кафедры литературы Волгоградского государственного социально-педагогического университета
Тел.: 8-905-063-89-69
E-mail: larisavina1712@rambler.ru

Батова Ольга Сергеевна – аспирант кафедры литературы Волгоградского государственного социально-педагогического университета
Тел.: 8-917-645-47-95
E-mail: reutolga@yandex.ru

© Савина Л.Н., Батова О.С., 2015.

По мнению Д.Н. Медриша, «в процессе своего развития русская литература проявила повышенную восприимчивость прежде всего по отношению к двум полярным жанрам фольклора – к волшебной сказке и к лирической песне» [Медриш, с. 245]. Довольно часто сказочные элементы использовались писателями в реалистических художественных произведениях, адресованных детям, что объяснялось, во-первых, занимательностью и динамизмом сюжетного действия, присущего сказкам, а во-вторых, особенностями восприятия текста юными читателями, их стремлением насладиться в финале повествования торжеством добра и справедливости.

Главным героем подобных повестей и рассказов выступал ребёнок-сирота, которому приписывалась идеальность натуры [Костюхина, с. 82]. Достаточно вспомнить популярные в девятнадцатом столетии произведения С.П. Бурнашевой «Розовое лекарство», В.Ф. Одоевского «Сиротинка», Е. Волкова «Должно сострадать в несчастье других», Н.П. Протопопова «Несчастье и счастье не за горами, а за плечами», Н. Петровой «Сиротка» и др., конструирование сюжетной канвы которых обуславливалось во многом тяготением детской литературы к особой сентиментальности повествования. Однако время вносило свои коррективы: в двадцатые годы прошлого века на смену рассказам об участии несчастных сирот пришли книги о детях, столкнувшихся с жестокой реальностью гражданского противостояния. Новые

герои навсегда порывали с узким домашним мирком и погружались в силу разных причин в «прекрасный и яростный» (А. Платонов) мир войн и революций, перемещаясь из «своего» пространства в «чужое». Трудный путь нравственных исканий и отнюдь не детских испытаний прошли Миша Додонов в повести А. Неверова «Ташкент – город хлебный», Бориска Гориков, персонаж автобиографического произведения А.П. Гайдара «Школа», а также целый ряд героев повестей и рассказов Л. Пантелеева. Чтобы ярче показать путь становления нового сознания, авторы реалистических произведений о детстве, созданных в 1920 – 1940 гг., особое внимание стали уделять событийной канве, формирующей характер героя-ребёнка, именно поэтому в книгах так часто встречаются композиционные элементы и мотивы, соответствующие архетипической схеме волшебной сказки.

Так, например, во многих повестях и рассказах Л. Пантелеева своеобразную форму отлучки *«представляет собой смерть родителей»* [Пропш, с. 37], далее, согласно традиции, следует отправление героя в путь, затем преодоление ребёнком-сиротой различных испытаний и счастливый финал. Как и в волшебных сказках, завязкой сюжетного действия, помимо смерти, может служить потеря драгоценного предмета или утрата дорогого сердцу существа: Матвей Капитоныч, персонаж рассказа «На ялике», теряет отца во время бомбежки; Матрена, героиня рассказа «Ночка», лишается любимой коровы-кормилицы; Петька Валет в повести «Часы» остаётся сиротой.

Создавшаяся ситуация побуждает маленьких героев к поиску способов разрешения своих проблем, таким образом, появляется мотив отправления в путь. Дети, подобно сказочным персонажам, стараются возместить утраченное, чтобы восстановить душевную гармонию. Матвей Капитоныч заступает место погибшего отца и начинает перевозить людей на другой берег реки; Матрёна, невзирая на опасность, решает во что бы то ни стало отыскать заблудившуюся корову; Петька Валет крадёт пампушку, чтобы скрасить свое голодное существование.

Далее по ходу развития сюжета возникает хронотоп дороги: как и сказочные персонажи, герои Л. Пантелеева покидают «свое» пространство и перемещаются в «чужое». Невзирая на страшную опасность или возможную смерть, Матвей Капитоныч переправляется на другой берег реки; Матрена покидает свой дом и бежит к Стахеевской мельнице в поисках Ночки. Петька Валет два раза попадает в «чужое» пространство, однако это перемещение происходит не по его инициативе: сначала мальчика отправляют в тюрьму за кражу, а второй раз отсылают в приют для дефективных детей.

Как и сказочных персонажей, героев Л. Пантелеева ждут испытания. Сироты переживают некое подобие инициации, типичным атрибутом которой является соревнование или отгадывание загадок. Как известно, роль «испытателей» в реальном обряде выполняют взрослые члены племени, в мифе – божественный отец, дядя по матери; в сказке – царь или мачеха [Мелетинский, с. 21]. В произведениях же Л. Пантелеева роль

«испытателей» играют или роковые обстоятельства («На ялике»), или реально существующие люди: персонажи-бандиты («Ночка»), милиционер («Часы»). Дети с честью проходят «проверку на прочность». Во время воздушного боя Матвей садится в лодку на место погибшего отца, берет в руки весла и перевозит людей через реку, не позволяя себе даже испугаться. Преодолевает свой страх и Матрена, столкнувшись с бандитами, которые устраивают девочке своеобразное испытание, предлагая позвать корову: *«Если она отзовется, если пойдет, – значит, правда. А если не пойдет, – значит, неправда, значит, ты брешешь, значит, ты – красный разведчик»* [Пантелеев, 1972, с. 72]. Целый комплекс инициационных испытаний проходит Петька Валет. Достаточно вспомнить, как милиционер, провожающий его до приюта, проверяет, насколько осознанно желание ребёнка покончить с бродяжнической жизнью. Его предложение сбежать Петьку *«прямо-таки дернуло. Словно коленкой его кто-то сзади тихнул, – задрожал весь»* [Пантелеев, 1970, с. 425]. Испытания, формирующие характер и изменяющие мировоззрение маленьких героев, в полной мере соответствовали воспитательным задачам литературы того времени. Л. Пантелеев, как и его коллеги по писательскому цеху, в частности Л.Н. Сейфуллина в рассказе «Правонарушители» или В.Я. Шишков в повести «Странники», показывал в своих произведениях процесс отхода персонажей-детей от прежних мещанских или криминальных идеалов и последующее их духовное преображение. Несомненно, аналогичные метаморфозы, подчёркивающие рождение нового сознания, были присущи и многочисленным произведениям «взрослой» литературы 1920 – 1930-х гг., достаточно вспомнить, например, Морозку, персонаж романа А.А. Фадеева «Разгром», или Павку Корчагина, героя знаменитого произведения Н.А. Островского «Как закалялась сталь».

Однако в ходе испытаний маленькие герои повестей и рассказов Л. Пантелеева, в отличие от взрослых, проявляют не только мужество, но и смекалку, присущую «мудрому ребёнку». Подобно героине фольклорной сказки «Дочка-семилетка», Матрена в рассказе «Ночка» обманывает врагов и уводит их в другую сторону. Девочка знает, что у бандитов пулеметы, а ребята в городе – *«мальчишки желторотые»* [Пантелеев, 1972, с. 63], у них *«только ружья да наганы заржавленные»* [Там же, с. 75]. Чтобы сбежать из приюта и продать краденые часы, идёт на любую хитрость Петька Валет. Мальчик и в кипятке купается, и в рот себе часы прячет, и закапывает драгоценный предмет в землю, пометив заветное место прутиком. Таким образом, в произведениях Л. Пантелеева *«идеализация как основной способ художественного обобщения в фольклоре»* [Гольденберг, с. 65] переплетается с типизацией, формой реалистического обобщения. «Мудрый ребёнок» как своеобразное воплощение нравственного идеала подчёркивает несостоятельность, а порой и жестокость ценностного мира взрослых, неспособного адаптироваться к требованиям детской натуры.

Соответствие произведений Л. Пантелеева архетипической схеме волшебной сказки наблюдается также и на уровне системы образов. По-

падая в трудную ситуацию, герой-ребёнок не может действовать в одиночку, он, как правило, обретает «волшебных помощников». В этой роли в рассказе «Ночка», например, выступает дядя Фёдор: неожиданно появившись на реке, он предлагает Матрене сесть в лодку и найти корову. В Кудеяре, отдавшем часы Петьке, реализуется образ дарителя, так как в дальнейшем золотые часы, подобно волшебному предмету, помогают Петьке обрести счастье. Образы вредителей также присутствуют в произведениях Л. Пантелеева. Писатель противопоставляет добрых и отзывчивых детей-сирот миру фашистов или бандитов, реализуя сказочную оппозицию «добро – зло».

Как правило, повести и рассказы Л. Пантелеева имеют счастливую концовку. Не сбываются опасения Матвея: *«Всякое бывает. Могут и убить»* [Пантелеев, 1972, с. 184]. Герой, оставшись в живых, продолжает выполнять свой долг. В рассказе «Ночка» зло наказано: *«Бандитов, конечно, всех переловили. В тюрьму посадили»* [Пантелеев, 1972, с. 85], а добро восторжествовало: Матрена нашла корову. Петька Валет обрёл новый смысл жизни, простившись с прежними воровскими идеалами: *«другие дела на уме у Петьки»* [Пантелеев, 1970, с. 469]. Счастливый финал, как и в сказке, выражает веру писателя в конечное торжество добра как во внешнем мире, так и в душе человека, особенно героя-ребёнка. Данный факт вполне отвечает и особенностям детского восприятия: победа добра над злом *«способствует удовлетворению чувства справедливости, так необходимого ребенку»* [Обухова, с. 303].

Однако некоторые фольклорные сказочные законы, в частности закон *«сказано сделано»* [Медриш, с. 74], предполагающий *«единство слова и события»* [Там же, с. 83], в произведениях Л. Пантелеева всё же нарушается, что объясняется особенностями реалистической поэтики, *«основанной на взаимосвязи и взаимообусловленности речей, поступков, характеров и обстоятельств»* [Медриш, с. 115]. В рассказе «На ялике» «сказано» в начале повествования отсутствует, перед читателем сразу раскрывается «сделано»: Матвей вместо отца перевозит людей на другой берег. О своем выборе он повествует только в конце рассказа: *«Целую минуту он молчал, налегая на весла. Потом, так же не глядя на меня, а куда-то в сторону, хриплым, басовитым и, как мне показалось, даже не своим голосом сказал: «Воды бояться – в море не бывать»* [Пантелеев, 1972, с. 184]. Таким образом, отсутствие пространного вступления позволяет автору уделить больше внимания не событийной стороне повествования, а внутреннему миру героя-ребёнка, раскрыть истинные мотивы его поступка.

В рассказе «Ночка», на первый взгляд, закон *«сказано сделано»* соблюдается: Матрена высказывает намерение найти корову: *«Нет, ты как хочешь, Васька, а я домой не пойду»* [Пантелеев, 1972, с. 68] и выполняет его. Но желание девочки отыскать свою любимицу сопровождается переживанием inferнального страха и сомнениями в правильности собственных действий, недаром у неё возникает желание поскорее вернуться домой. Матрена, в отличие от сказочных героев, персонаж не

статичный, не случайно Пантелеев столь тщательно воспроизводит мир её чувств и мыслей.

В повести «Часы» отсутствует, наоборот, «сделано». Украд часы, Петька размышляет о собственном благополучии и мечтает убежать из приюта, а на деньги, вырученные от продажи, купить «*перво-на-перво ... громадную булку... булку салом заедать, а запивать... какавом*» [Пантелеев, 1970, с. 421]. Казалось бы, действие названо – оно должно совершиться, ведь «*всякое высказанное героем намерение в народной волшебной сказке осуществляется*» [Медриш, с. 93]. Однако Петька так и не осуществляет задуманное: пережив духовную эволюцию, он перестаёт быть отрицательным персонажем.

Итак, в произведениях Л. Пантелеева о сироте на уровне композиционных элементов, мотивов и образов воплощается основная архетипическая схема волшебной сказки, а также реализуется главный сказочный принцип – торжество справедливости и посрамление зла. Однако некоторые законы фольклорной сказки («сказано – сделано», изображение статичности характера персонажа и др.) нарушаются, что объясняется, в первую очередь, тяготением писателя, да и детской литературы XX столетия в целом, к традиции реалистической поэтики и различным формам психологизма.

Литература

Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007.

Костюхина М.С. Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2008.

Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики / под ред. проф. Б.Ф. Егорова. Саратов: Изд-во СГУ, 1980.

Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. – (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4).

Обухова Л.Ф. Возрастная психология: учебник; 4-е изд. М.: Педагогическое общество России, 2004.

Пантелеев Л. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1: Ленька Пантелеев. Первые рассказы. Л.: Детская литература, 1970.

Пантелеев Л. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3: Рассказы. Воспоминания. Дневники. Одноактные пьесы. Л.: Детская литература, 1972.

Пропн В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.

Путилова Е.О. ...Началось в республике Шкид: очерк жизни и творчества Л. Пантелеева. – URL: http://www.respublika-shkid.ru/biblioteka_yunkoma/read_putilova/chapter_5/ (дата обращения: 23.06.2015).

References

Gol'denberg A.Kh. Arkhetipy v poetike N.V. Gogolya: monografiya. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2007.

Kostyukhina M.S. Zolotoe zerkalo: Russkaya literatura dlya detei XVIII – XIX vekov. M.: OGI, 2008.

Medrish D. N. Literatura i fol'klornaya traditsiya. Voprosy poetiki / pod red. prof. B.F. Egorova. Saratov: Izd-vo SGU, 1980.

Meletinskii E.M. O literaturnykh arkhetypakh. M.: RGGU, 1994. (Chteniya po istorii i teorii kul'tury. Vyp. 4).

Obukhova L.F. Vozrastnaya psikhologiya: uchebnyk; 4-e izd. M.: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 2004.

Pantelev L. Sobr. soch.: v 4 t. T. 1: Len'ka Pantelev. Pervye rasskazy. L.: Det. literatura, 1970.

Pantelev L. Sobr. soch.: v 4 t. T. 3: Rasskazy. Vospominaniya. Dnevnik. Odnoaktnye p'esy. L.: Det. literatura, 1972

Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1986.

Putilova E.O. ...Nachalos' v respublike Shkid: ocherk zhizni i tvorchestva L. Panteleva. – URL: http://www.respublika-shkid.ru/biblioteka_yunkoma/read_putilova/chapter_5/ (data obrashcheniya: 23.06.2015).

Savina L.N., Batova O.S. (Volograd State Social-Pedagogic University, Volograd, Russian Federation)

Myth and poetic tradition in L. Pantelev's works about the orphan

The article discusses the realization of the traditions of a fairy tale in narratives and stories by L. Pantelev about orphans (narrative “The Hours,” the story “Night”, story “On the skiff”). Particular attention is given to an embodiment in the works of the writer of fairy compositional elements, motifs and images (absence, sending the character to a way, the division of space in the “own” and “foreign”, the presence of the difficulties, the presence of the category of the miraculous, the opposition of good and evil, happy ending, etc).

Along with the examples, proving Leonid Pantelev's orientation on mythopoetic tradition, the article analyzes cases of violation of the archetypal folk tales circuit caused by author's intention who writes about children and for children to deploy description and psychology.

Key words: *children literature, myth and poetic tradition, fairy tale, archetype scheme.*

Savina Larisa Nikolaevna – Ph. D. of philology, professor of literature dpt. Volograd State Social-Pedagogic University. Ph.: 8-905-063-89-69; e-mail: larisavina1712@rambler.ru

Batova Olga Sergeevna – post-graduate student of literature dpt. Volograd State Social-Pedagogic University. Ph.: 8-917-645-47-95; e-mail: reutolga@yandex.ru